

Содержание

Предисловие. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	3
Исходный материал. <i>Перевод Г. Косова</i>	9
Мэйхью. <i>Перевод В. Ашкенази</i>	16
Немец Гарри. <i>Перевод Н. Рейн</i>	22
Счастливым человек. <i>Перевод М. Загота</i>	30
Сон. <i>Перевод Н. Рейн</i>	37
На чужбине. <i>Перевод Н. Рейн</i>	45
Завтрак. <i>Перевод Н. Рейн</i>	54
Сальваторе. <i>Перевод Н. Рейн</i>	62
Дом. <i>Перевод И. Дорониной</i>	70
Мистер Всезнайка. <i>Перевод И. Дорониной</i>	78
Бегство. <i>Перевод М. Загота</i>	90
Друг познается в беде. <i>Перевод Норы Галь</i>	97
Портрет джентльмена. <i>Перевод И. Гуровой</i>	105
Окончание побега. <i>Перевод И. Дорониной</i>	115
Божий суд. <i>Перевод В. Вебера</i>	125
Стрекоза и муравей. <i>Перевод И. Гуровой</i>	133
Французский солдат. <i>Перевод И. Дорониной</i>	140
Человек со шрамом. <i>Перевод В. Ашкенази</i>	149
Поэт. <i>Перевод Норы Галь</i>	155
Луиза. <i>Перевод Е. Ваглиенти</i>	163

...и волки целы. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	175
Слово чести. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	190
Жемчужное ожерелье. <i>Перевод Е. Ваглиенти</i>	201
Нищий. <i>Перевод В. Вебера</i>	212
Стрит-флеш. <i>Перевод Г. Весниной</i>	225
Помощник викария. <i>Перевод Г. Весниной</i>	236
Корыто. <i>Перевод В. Вебера</i>	249
Чувство приличия. <i>Перевод Норы Галь</i>	263
Четверо голландцев. <i>Перевод И. Гуровой</i>	275

Предисловие

Рассказы, включенные в этот сборник, были написаны по заказу. Первый — в 1923 году, последний, кажется, в 1929-м. Когда я был в Китае, я кратко записывал обо всем, что привлекало мое внимание; вернувшись домой, я просмотрел свои заметки и понял, что, если объединю их в единое повествование, они потеряют первоизданную непосредственность. Я отказался от этой мысли и решил опубликовать свои зарисовки в том порядке, как они шли, под общим названием: «На китайской ширме». Так случилось, что их прочел Рэй Лонг, который был в то время редактором журнала «Космополитен», и пришел к заключению, что какие-то из моих заметок представляют собой вполне законченные рассказы. Если вы писатель, любой человек, показавшийся вам интересным, может подсказать сюжет рассказа, а события, в которых иные увидят лишь нагромождение не связанных между собой случайностей, ваше воображение сплетет в единый узор.

© Перевод. Ю. Жукова.

Читатели журналов не любят, погрузившись в рассказ, вдруг наткнуться на отсылку: продолжение на сто какой-то странице. Писатели этого тоже не любят, они с тоской представляют себе, как раздосадованный читатель отвлечется и, скорее всего, забудет о его рассказе. Но тут уж ничего не поделаешь. Да будет всем известно, что деньги, выручаемые от продажи журнала, не окупают затрат на его издание, без рекламы он просто не мог бы существовать. Рекламодателям представляется, что их рекламу скорее прочтут, если ее поместили на одной странице с чем-то более интересным, как они скромно, но зачастую ошибочно полагают. И потому в иллюстрированных журналах принято предварять рассказ или очерк рисунком, который, по их мнению, его иллюстрирует, а перед продолжением помещать рекламу. Ни читатели, ни писатели не должны сердиться. Читателям предоставляется возможность купить журнал гораздо дешевле его истинной стоимости, а писатели получают за свой труд гонорар, о каком и мечтать бы не могли без рекламы. Мы должны помнить, что выполняем роль приманки. Мы заполняем пробелы и окольным путем убеждаем читателей покупать запасные части и бюстгальтеры, поступать на курсы заочного обучения. Однако не будем огорчаться. Самый лучший рассказ, с точки зрения рекламодателей, — это рассказ, который особенно нравится читателям. Рэй Лонг предположил, что читатели обрадуются, если получат возможность

прочеть хотя бы один рассказ целиком, не выискивая продолжение среди рекламных объявлений, и заказал мне несколько новелл в том же духе, какие я включил в «Китайскую ширму». Они должны быть короткие, чтобы уместиться на журнальном развороте и оставить достаточно места для иллюстраций.

Новеллы, которые я написал, ему понравились, и он заказал мне очередную порцию. Я писал их и писал, пока врожденное многословие не одержало надо мной верх и рассказы не вырвались за пределы отведенного мне пространства. И тогда мне пришлось остановиться.

Но думаю, я многому научился, сочиняя их, и рад, что на мою долю выпала такая работа. Цель состояла в том, чтобы выразить задуманное определенным количеством слов, которое ни в коем случае нельзя превысить, и в то же время убедить читателя, что тема исчерпана до конца. Именно это меня и увлекало. К тому же я получил ценный урок. Я лишился права на слово, без которого можно обойтись. От меня требовалась сжатость. Я был поражен, как много наречий и прилагательных, оказывается, можно вычеркнуть без всякого ущерба для смысла и для стиля. Мы часто вставляем в предложение необязательные слова, чтобы оно, так сказать, лучше звучало. Я прошел хорошую школу, стараясь построить точно сбалансированную фразу, не используя ни единого слова, которое бы не было нагружено смыслом.

Конечно, для короткого рассказа годится не всякий сюжет, бессмысленно брать тему, которую можно раскрыть только в сложном развитии интриги; а я к тому же по своей природе тяготею к завершенности, и потому мне хотелось, чтобы рассказ, даже ограниченный тесными рамками заданного объема, имел начало, середину и конец. Я не любитель композиционно не оформленной прозы. На мой взгляд, недостаточно, когда писатель представляет вам факты, как они есть, увиденные его глазами (а это, естественно, означает, что факты вовсе не таковы, какие они есть, а искажены его собственными предубеждениями); писатель должен объединить их общей идеей. Конечно, все мои новеллы — рассказы о каком-то происшествии. Если происшествия интересны и хорошо рассказаны, они от этого только выигрывают. Рассказ о добром самаритянине — происшествие, к тому же очень увлекательное. Увлекательное происшествие — основа литературы. Неугомонные писатели порой навязывают литературе совершенно чуждые ей формы, но, покорившись на какое-то время невнятице, вычурности, требованиям выполнять роль пропагандиста, она вдруг сбрасывает гнет и неизменно возвращается к интриге.

Недавно Колумбийский университет любезно прислал мне книжицу под названием «Современная литература», написанную двумя профессорами этого университета. Я прочел ее с интересом и не без пользы. Она оказалась лучшим из всех извест-

ных мне путеводителей по окутанному туманом болотным топям и трясинам, по сияющим высотам; райским оазисам и безотрадным пустыням романа мистера Джойса «Улисс». Возникает желание перечитать все произведения, которые разбирают авторы этой книги. Они проявляют широту взглядов, проницательность, они умеют увлечь. И все же эта книга очень удивила меня. Анализ романов, которые выбрали авторы, в высшей степени поучителен. Они скрупулезно разбирают манеру письма. Оценивают значение книг с психологической, социологической, нравственной ценности. Но я не нашел ни слова о том, какое удовольствие просто читать эти книги. Насколько я могу судить, за все годы, что эти два профессора учат алкающую знаний молодежь, которая приходит к ним на лекции, они ни разу не обмолвились о главном: о том, что романы следует читать ради удовольствия. Да, роман может пробудить мысль. Доставить эстетическое наслаждение. Взволновать душу. Но если читать его неинтересно — значит, это плохой роман. Только лентяи обращаются к романам за сведениями о том, чем занимаются ученые. К знанию нет короткого пути, и вы лишь напрасно потеряете время, если будете искать его в литературном произведении. Если вас интересует психология, читайте литературу по психологии. Если социология — обращайтесь к социологам. Автор имеет право пользоваться любыми уловками, чтобы приковать интерес читателя, это его дело. Например, «поток сознания» — забавный

трик, но его никак нельзя считать более значительным достижением литературного гения, чем «роман в письмах», столь модный в восемнадцатом веке. И одна форма, и другая — лишь искусные приемы, с помощью которых писатель стремится как можно правдивее показать жизнь. Считать, что эти приемы обладают научной ценностью, как утверждают некоторые критики, по меньшей мере смешно. Писатель рассматривает отдельный случай, который выбирает как наиболее соответствующий своему замыслу. Эти случаи могут служить подтверждением закона, но вывести закон на их основе нельзя. Писатель делится с вами своими сокровенными представлениями о мире. Он предлагает вам интеллектуальное развлечение. И главное, что требуется от развлечения, — оно должно развлекать.

Надеюсь, читатель не упрекнет меня в самонадеянности за то, что я пустился теоретизировать в предисловии, которое должно представить небольшой сборник коротеньких рассказов. Я просто хочу признаться ему, что жду лишь одного: пусть они его развлекут. Я понимаю, прочесть сборник за один присест было бы тяжело, однако надеюсь, что, если он будет читать на досуге по два-три рассказа, он получит такое же удовольствие, какое они доставляли читателям журнала «Космополитен», когда появлялись на его страницах раз в месяц.

Исходный материал

Я долго вынашивал мысль написать роман, где главным персонажем был бы карточный шулер, и поэтому, странствуя туда-сюда по миру, всегда высматривал представителей данной профессии. Поскольку в глазах большинства людей подобная деятельность считается немного позорной, то занимающиеся ею лица не желают публично это признавать. Их скрытность заходит так далеко, что лишь после довольно близкого с ними знакомства или пары-тройки встреч за ломберным столиком вы узнаете, каким образом они зарабатывают себе на жизнь. Но даже и в этих случаях они не склонны вдаваться в тайны своего ремесла. Эти люди имеют слабость выдавать себя за кавалеристов, коммивояжеров или землевладельцев. Из-за своего снобизма они становятся группой, плохо поддающейся изучению. Я был везунчиком, и мне на моем жизненном пути посчастливилось встретить нескольких джентльменов подобного рода. Они все были любезными, обаятельными и обязательными,

---

© Перевод. Г. Косов.

но стоило лишь намекнуть на то, что я интересуюсь (естественно, профессионально) деталями их занятия, как они шарахались в сторону и замыкались в себе. Любое мимолетное замечание о подтасовке мгновенно делало их похожими на плотно сомкнувшую створки устрицу. Однако меня трудно заставить свернуть с избранного курса, и, поняв путем экспериментов, что напрямую мне узнать ничего не удастся, я двинулся обходным путем. Я начал вести себя с ними подобно ребенку — ласково и даже заискивающе. Очень скоро я заметил, что не только привлек их внимание, но и стал вызывать некоторую симпатию. Они честно признавались, что не прочитали ни единого написанного мною слова, но их интриговало просто то, что я — писатель. Полагаю, они подспудно чувствовали, что я, подобно им, занимаюсь делом, к которому разного рода филистеры относятся без какого-либо снисхождения. Тем не менее я был вынужден собирать фактуру для романа обходным путем, что требовало от меня терпения, усилий и изобретательности.

Представьте, каким энтузиазмом я загорелся, познакомившись с парой джентльменов, которые, судя по их виду, могли существенно пополнить мои пока скромные запасы информации. Я сел на французский лайнер в Хайфоне, а они поднялись на борт уже в Гонконге. Джентльмены почтили своим присутствием бега и теперь возвращались в Шанхай. Я тоже держал путь в Шанхай, чтобы оттуда

проехать в Пекин. Вскоре я узнал, что путешествие они начали в Нью-Йорке и сейчас тоже направляются в Пекин, чтобы оттуда отплыть в Америку — по счастливой случайности на том же судне, на которое я заранее приобрел билеты. Они были приятными парнями, и мы сблизились, но полную радость от знакомства я получил лишь после того, как один из попутчиков предупредил меня о том, что джентльмены — профессиональные игроки. Я вовсе не рассчитывал, что они кинутся откровенно обсуждать со мной тонкости своего интересного ремесла, но, возможно, что из косвенных намеков и случайных замечаний мне удастся узнать кое-какие весьма полезные вещи.

Одному из них — его звали Кэмпбелл — было под сорок. Он был невысок, но настолько строен и хорошо сложен, что не казался коротышкой. У Кэмпбелла были большие печальные глаза и необыкновенной красоты руки. Если бы не преждевременная лысина, то его можно было бы назвать более чем просто привлекательным мужчиной. Он прекрасно одевался, говорил медленно и негромко, а все его движения были размеренными и неторопливыми. Другого же изготовили по совершенно иной модели. Это был высокий, крепко сбитый детина, с мощными ручищами, красным лицом и курчавой жесткой шевелюрой черного цвета. Его манера держаться отличалась воинственностью. Звали его Петерсон. Достоинства подобного содружества были для меня совершенно очевидны.

Элегантный, изысканный Кэмпбелл обладал тонким умом, способностью разгадать характер человека и ловкими руками; однако жизнь шулера полна опасностей, и когда дело доходило до потасовки, кулачищи Петерсона могли оказаться бесценными. Не могу до сих пор понять, почему так быстро по судну распространился слух, что Петерсон одним ударом способен вырубить любого мужчину. Но во время недолгого перехода из Гонконга в Шанхай они ни разу не предложили сыграть в карты. Возможно, они неплохо подзаработали за неделю бегов и решили, что заслужили небольшие каникулы. Кэмпбелл и Петерсон полностью использовали те возможности, которые им предоставило пребывание в стране, где не было сухого закона, и думаю, что поступлю по отношению к ним справедливо, если скажу, что большую часть пути они пребывали в состоянии, весьма далеком от состояния трезвости. Каждый из них неохотно говорил о себе, но с удовольствием распространялся о другом. Кэмпбелл сообщил мне, что Петерсон является одним из самых известных горных инженеров Нью-Йорка, а Петерсон заверял, что Кэмпбелл — знаменитый банкир, обладающий сказочным состоянием. Кто я такой, чтобы не принять бесхитростно все то, что они мне поведали? Но при этом думал, что Кэмпбелл проявляет некоторую небрежность, не украшая себя драгоценностями, поскольку это, несомненно, больше соответствовало бы образу богача. И то, что он пользуется простым серебря-

ным портсигаром, казалось мне верхом неосторожности.

В Шанхае я задержался лишь на день. В Пекине я снова встретился с этой парой, но был там настолько занят, что встреча оказалась весьма короткой. Мне показалось несколько странным, что Кэмпбелл проводит все свое время в отеле. Думаю, он не покинул его даже ради того, чтобы осмотреть Храм Неба. Но в то же время я прекрасно понимал, что с профессиональной точки зрения Пекин не представляет для него интереса, и нисколько не удивился, когда парочка возвратилась в Шанхай, где, как мне было известно, состоятельные торговцы играли на большие деньги. Я встретился со своими друзьями на пароходе, который должен был перенести нас через Тихий океан, и не мог им не посочувствовать, заметив, что остальные пассажиры не проявили склонности к азартным играм. Среди них просто не оказалось богатых людей. Это была унылая публика. Кэмпбелл, естественно, предложил перекинуться в покер, но никто не решался на ставку более двадцати долларов, и Петерсон не присоединился к компании, видимо, решив, что игра не стоит свеч. Хотя во время всего плавания мы регулярно играли как после полудня, так и по вечерам, он сел с нами за стол только в последний день. Полагаю, ему захотелось компенсировать свои расходы в баре, совершенные за время путешествия. Должен сказать, это ему удалось за один присест. Но Кэмпбелл, видимо,

любил игру как таковую, что вполне естественно. Ибо невозможно добиться успеха в деле, которым ты зарабатываешь себе на жизнь, если не испытываешь к нему подлинной страсти. Ставки не имели для него никакого значения, и он играл ежедневно и подолгу. Я словно зачарованный следил за тем, как Кэмпбелл сдает карты своими изящными руками. Он делал это очень медленно, и казалось, что его взгляд сверлит насквозь рубашку каждой карты. Кэмпбелл много пил, но оставался спокойным, продолжая прекрасно владеть собой. Его лицо было совершенно непроницаемым. Я понимал, что он прекрасный игрок, и мне страшно хотелось увидеть его за работой. Мое мнение о нем повысилось, когда я увидел, что он столь серьезно относится даже к той игре, которая служила для него лишь разрядкой.

Расстался я с этой парой в Виктории, решив, что никогда ее не увижу. Я принялся сортировать свои впечатления и делать наброски некоторых эпизодов, которые, как мне казалось, могли впоследствии пригодиться.

Когда я приехал в Нью-Йорк, меня там ожидало приглашение от моей старинной знакомой на обед в отеле «Ритц».

Встретив меня в отеле, она сказала:

— Людей будет немного. Придет человек, который, как я думаю, тебе понравится. Он известный банкир, и, насколько я знаю, с ним будет его друг.

Едва она успела произнести эти слова, как я увидел, что к нам направляются Кэмпбелл и Петерсон. И в этот миг мне открылась истина: Кэмпбелл действительно был состоятельным банкиром, а Петерсон — знаменитым инженером. Карточным шулерством они никогда не занимались. Я горжусь тем, что не изменился в лице, однако, любезно пожимая им руки, я злобно бормотал себе под нос:

— Самозванцы!